

ОЛЕГ ГУСЕВ

ЯКОВ ТРЯПИЦЫН И “ЦУСИМСКИЙ СИНДРОМ”

К 100-летию событий в Николаевске-на-Амуре

1

Герой Советского Союза младший сержант Ю. В. Бабанский в марте 1969 года невольно стал ключевой фигурой грозных событий на уссурийском острове Даманский. Детали его подвига упорно замалчивают даже по истечении полувека. Его “вина” заключалась в том, что, презрев строгое указание “автомат на плечо, патрон в патронник не досылать, на провокации не отвечать”, он открыл огонь по китайцам, на его глазах расстрелявшим командира заставы старшего лейтенанта И. И. Стрельникова, двух пограничников-рядовых и издевавшимся над их трупами. Затем он повёл подчинённых ему солдат в атаку, и вспыхнула ожесточённая пятидневная война. Результат: долгожданное успокоение пришло, наконец, на советско-китайскую границу.

Юрий Васильевич Бабанский, как и многие русские люди, до сих пор, вероятно, не знает, что события на острове Даманский и предшествовавшие им кровавые провокации великоханьцев, как две капли воды, были похожи на ситуацию, возникшую в 1918–1922 годах на Дальнем Востоке. Её узлы развязались в Николаевске-на-Амуре – городе, который стал как бы тогдашним “островом Даманским”. В Николаевске-на-Амуре, как и в других городах Дальнего Востока, стоял сильный японский гарнизон. Введя войска на наши земли якобы для охраны своих подданных, Япония вела себя крайне нагло. Пассажиров владивостокского трамвая оккупанты заставляли вставать, когда в вагон заходил японский офицер. Японцы показательно расстреливали русских, живыми сожгли в топке паровоза большевика Сергея Лазо и его сподвижников. Но был приказ московского правительства во главе с В. И. Лениным “патрон в патронник не досылать, на провокации не отвечать”.

События в Николаевске-на-Амуре тесно связывают с именем Якова Ивановича Тряпицына – командующего партизанской Красной армией. 2 июня 1920 года по его якобы “диктаторскому” приказу город был подожжён, кирпичные здания взорваны, а население эвакуировано. Пепел, груды развалин и бродящие между ними редкие полубезумные жители – это всё, что осталось от богатого купеческого города с годовым оборотом в 50 000 000 золотых рублей...

Кривотолки о случившемся ходили на севере Хабаровского края до 1960-х годов, пока были живы свидетели тех событий. Например, рассказывали, что Тряпицын “устраивал своей любовнице, Нинке Лебедевой, молочные ванны”,

для чего население принуждали сдавать молоко. Молоко действительно реквизировалось, но для раненых партизан. Народ не знал истины, так как советские СМИ правды о Тряпицыне не говорили, навесив на него ярлыки “индивидуалиста-диктатора” и “контрреволюционера-анархиста”. Не жалели чёрных красок для этой личности **все**, то есть никто не хотел взять на себя ответственность за случившееся.

13 июля 1920 года в Николаевск прибыл из Владивостока журналист В. Эч, написавший по свежим следам книжку “Исчезнувший город. Трагедия Николаевска-на-Амуре” (Владивосток. Типо-литография Иосиф Крот”, 1920). Он и заложил основы литературы о Тряпицыне. “Тысячи убитых, груды развалин, разорение края – вот что дали населению партизаны. Исчезнувший город... Это так и есть, ибо города нет. Он исчез во славу лозунгов Тряпицына. И только развалины домов и остатки пожарищ молчаливо говорят о “друзьях народа” и их способе действий”, – так начинается свою книгу В. Эч. По ней японцы сняли фильм “Сожжённый город”, который прошёл по всему миру в качестве доказательств “зверств большевиков”, хотя Тряпицын большевиком никогда не был.

По науськиванию Хабаровского крайкома КПСС саркастически изображали Тряпицына и советские дальневосточные писатели, если сюжеты их произведений касались жизни обитателей низовой Амура в 1919–1922 годах.

Казалось, в “постперестроечные” годы должно быть сказано новое слово и о Тряпицыне, и об “исчезнувшем городе”. Но ничего не переменялось. Сегодняшние демократы в 2000 году отметили 80-летие событий в Николаевске-на-Амуре ёрнической статьёй в “Секретных материалах” (№ 8, 2000) “Хромой диктатор”. В ней написано:

“Очевидцы утверждали, что, упав после залпа и будучи смертельно раненным, Яков повернул голову к рухнувшей рядом с ним Ниной и прохрипел: “Мне только тебя и жалко, остальное – пропади пропадом!”. Последние три слова – домысел автора для усиления образа “индивидуалиста-диктатора”.

В действительности же он сказал: “Тебя мне только и жаль”.

Так кто же он: герой или жертва?

2

Яков Иванович Тряпицын родился в 1897 году в деревне Саввастейка Владимирской губернии Муромского уезда в семье мастера кожевенного дела. Кроме ремесла кожевника, Яков овладел специальностями металлста, сапожника, стекольщика, оружейника... Самостоятельно изучал этнографию, ботанику, зоологию, историю, ораторское искусство. В 1916 году добровольно вступил в действующую армию и воевал в окопах Первой мировой войны в составе лейб-гвардейского Кексгольмского полка. На фронте постигал теорию и практику военного дела. Однако “царя в голове” у молодого человека, видимо, не было, так как он в своём стремлении к знаниям попался на удочку профессиональных революционеров, тысячи которых активно деморализовывали русскую армию. Покинул он фронт после тяжёлого ранения в ногу. Заразившийся революционной бациллой Яков Тряпицын, вернувшись с фронта, не ужился с отцом – “носителем отсталых мелкобуржуазных взглядов”. Впоследствии у партизанских костров Тряпицын с гордостью рассказывал, как он “подтачивал основы монархии путём разложения армии”.

Ища применения своей деятельной натуре, Тряпицын приехал в Западную Сибирь, до которой уже докатилась тревожная весть об оккупации Дальнего Востока японцами и о пресловутом “буфере”.

“Буферная” Дальневосточная республика была создана “ленинской гвардией” якобы для того, чтобы затруднить Японии объявить войну Советской республике. Феномен Тряпицына непонятен потому, что ситуация, сложившаяся вокруг “буфера”, до сих пор как следует не изучена. После печально знаменитого Брестского мира население Дальнего Востока не поверило в “буфер”. Народ решил, что ДВР – это “дальневосточный Брест”: дескать, ни за понюшку табака большевички, приехавшие в запломбированном вагоне, продали немцам Малороссию и Прибалтику, а японцам – Дальний Восток.

Поскольку красные сами не могли ручаться за исход гражданской войны в свою пользу, то можно ли было всерьёз надеяться, что большевики когда-нибудь ликвидируют ДВР и освободят “республику” от японцев? Де-факто

многотысячный японский военный корпус хозяйничал от Владивостока до Иркутска. Потому-то народ и взялся за оружие. Именно этим, а не “классовой борьбой” объясняется стихийное появление партизанских армий на просторах Дальнего Востока. Не для того недавние переселенцы из центральных областей России с великими трудностями обустроивались здесь, чтобы стать рабами у “япошек”.

“Буфер” тихий, негласный по отношению к Японии, объявили и белогвардейцы. Мол, расправимся с большевиками, а потом выкинем и японцев. Так рассуждал, по всей видимости, адмирал Колчак. Простой народ видел, что с японцами ходят в обнимку и большевики, и белогвардейцы. А раз так, то ему ничего не оставалось, как бить и тех, и других. “Гражданская война на Дальнем Востоке, пожалуй, самая запутанная часть истории Страны Советов”, – пишет газета “Секретные материалы”. На самом деле, ничего запутанного нет. Есть пока не разоблачённое преступление “ленинской гвардии”. Преступление потому, что с 1918-го по 1922 годы большевики не только не помогали народу, восставшему против японских интервентов, а всячески мешали ему; и это стоило немалой лишней крови. Ленинцы боялись “буфера на оборот”, то есть как бы на Дальнем Востоке не возникло национального русского государства, им враждебного.

Воодушевляясь открывающимися перспективами, сюда устремились эсеры-максималисты, просто эсеры, анархисты и прочие уклонисты, чтобы воплотить в жизнь свои “идеалы”. В конце марта 1919 года прибыл во Владивосток и Яков Тряпицын. Он сразу же вошёл в подпольную организацию, в основном состоящую из портовых грузчиков, которая запасалась оружием и вербовала добровольцев для борьбы с японскими интервентами. Под руководством Тряпицына был осуществлён налёт на владивостокский военный склад. Так возникла ещё одна “пятерка”, которая вскоре ушла в уссурийскую тайгу и, соединившись с другими группами, например, с “группой тов. Шевченко”, начала наносить удары по японцам и белогвардейцам вблизи г. Сучан (ныне г. Партизанск). Где-то там стоял со своим громадным по численности Ревштабом и большевик-“буферщик” Сергей Лазо, который лишь изображал какую-то деятельность. Вскоре Тряпицын с экспедиционным отрядом ушёл в Гродеково, где отряд был разбит и рассеян по тайге превосходящими силами японцев. В июне Тряпицын с партизаном Караваевым вышел на Амур в окрестностях Хабаровска. Навстречу им попала разведка во главе с “максималистом тов. Вольным”, который узнал в Караваеве знакомого анархиста. Так Тряпицын и Караваев стали хабаровскими партизанами.

Вскоре Яков был избран (таков был порядок у партизан) руководителем одного из мелких отрядов и успешно воевал с калмыковцами. 2 ноября 1919 года в селе Анастасиевка собралась совместная конференция партизан и тайных революционных организаций Хабаровска, которая выработала план дальнейшей борьбы с японскими интервентами. На конференции был избран Ревштаб. Тряпицын во главе трёх партизанских отрядов было поручено действовать в направлении Николаевска-на-Амуре. В этом городе надо было установить Советскую власть и преградить продвижение в глубину страны с берегов Татарского пролива располагавшегося там сильного японского гарнизона. Не вдаваясь в подробности, скажем, что Тряпицын, действуя в необычайно трудных условиях надвинувшейся зимы и полнейшего бездорожья, эту задачу успешно выполнил, заслуженно став популярной в среде партизан фигурой. Из района Анастасиевки в низовья Амура вышли несколько небольших групп партизан, а к Николаевску подошла неплохо организованная партизанская армия в несколько тысяч человек.

В это время на совещании командиров партизанских отрядов было решено организовать два военных округа: Хабаровский и Николаевский. Командующим Николаевского округа был выбран Яков Тряпицын, а начальником штаба – эсерка-максималистка Нина Лебедева. Среди командиров партизанских групп наиболее яркими вожаками к этому времени стали: Ф. Железин, И. Оцивилли-Павлуцкий, Чёрный-Покровский, М. Харьковский, Дед-Пономарёв, Нигиевич-Случайный, Наумов, Стрельцов, Павличенко, Ауссем и др.

27 января Тряпицын и штаб Николаевского фронта Красной армии послали японцам добровольцев-парламентёров: Орлова-Овчаренко И. В. и Щетникова П. М. Парламентёры, увы, не вернулись. После зверских пыток их убили –

эти и последующие действия японцев и белогвардейцев вывели их из-под юрисдикции международных законов ведения войны.

Благодаря военным и организаторским способностям Тряпицына 26 февраля 1920 года Николаевск-на-Амуре был взят с минимальными потерями: 2 убитых, 1 раненый и 14 человек обмороженных.

На следующий день на общегородском митинге Тряпицын выступил с речью, обращённой к богатым обывателям города золотодобытчиков, пригласивших... японские военные части в Николаевск-на-Амуре якобы для “охраны города”:

“Вы же, приспешники капитала и защитники кровавого империализма, ещё вчера ходившие с белыми повязками, не мечтайте, что вас спасут нацепленные сегодня красные банты. Помните, что тайком за нашей спиной вам работать не удастся. Царство ваше отошло! Будет вам уже ездить на согнутой спине рабочего и крестьянина. Уходите к тем, чьи интересы вы защищали, так как в наших рядах вам места нет. Помните вы все, товарищи, что будет есть только тот, кто станет сам работать. Не трудящийся да не ест!”

Впоследствии для расследования Николаевских и Кербинских событий из Хабаровска была послана советская межпартийная комиссия, которая установила, что в низовьях Амура вводился коммунизм не на словах, а на деле:

“Все мероприятия красного штаба направлялись в сторону немедленного осуществления социализма: монополизировалась торговля, социализируются торговые предприятия у русских владельцев и выкупается товар у иностранцев, китайцев и корейцев. Социализируются и объединяются промышленные предприятия, а затем уничтожается денежная система, организуется армия труда, во главе которой стоит “Бюро труда”, намечающее план общих работ и распределяющее рабочую силу. Торговля совершенно прекращается, а население пользуется одинаковым пайком и одинаковым участием в получении всех других продуктов и товаров и т. д.”

Председатель Сахалинского областкома (тогда Николаевск-на-Амуре был областным центром Сахалинской области) РКП(б) О. Х. Ауссем, позже назначенный представителем Советской России в Вене, напишет в своих воспоминаниях:

“...перевалив через хребет (при эвакуации из Николаевска. — О. Г.), партизаны оказались сразу в стране правильного денежного обращения, от которого они совершенно отвыкли не только за годы тайги, но ещё более за месяцы Николаевской коммуны. Даже кто имел деньги, не думал их таскать с собой, а бросил в Николаевске. Дети ими играли. А на Селемдже за всё стали требовать денег. Помню, как на второй или третий день после перевала партия, в которой шли Коренев и я, встретила китайского торговца, пробиравшегося на прииски с грузом сахара и табаку на спине. Сахар мы съели, а табак выкурили, и были несказанно удивлены, когда китаец потребовал денег или золота. Не гнев и не смех вызвало это требование, а именно безграничное удивление, как напоминание и возврат к каким-то давно забытым временам. Китаец же следовал за нами по пятам два дня, непрерывно повторяя: “Здесь Сахалин-закон-земля нету; здесь Амур-закон-земля”.

Этот же автор пишет:

“В смысле организации политической и хозяйственной жизни края тоже никаких ошибок или преступлений совершено не было. Несмотря на отсутствие партийного руководства (ВКП(б). — О. Г.), Николаевский исполком и самые Советы, и весь советский аппарат строил по формам, указанным в Советской России коммунистической партией. Повторилось явление, уж не раз наблюдавшееся в революции: анархисты и максималисты, державшие в Николаевске в своих руках военную силу, ничего своего в дело революционного строительства внести не могли и потому не препятствовали копированию коммунистических форм”.

Как видим, ярлык “индивидуалиста-диктатора” прилеплен коммунистической пропагандой на Тряпицына совершенно несправедливо. По инициативе Тряпицына 28 марта был проведён Областной съезд трудящихся.

Японцы запросто появляясь в штабе партизан, говорили: “Наша — большевики!” Некоторые японские офицеры, например, поручик Цукомото и переводчик Канайя сорвали с себя погоны и нацепили красные банты.

Однако в 3 часа ночи 12 марта 1920 года **японцы вероломно напали на сонных, ничего не подозревающих партизан.** Штаб Тряпицына был

разгромлен, десятки партизан были убиты, сотни ранены; и дело казалось проигранным. Но на помощь пришли отряды, располагавшиеся в окрестностях города. В результате двухдневных ожесточённых боёв японский гарнизон понёс большие потери — 600 человек убитыми. 135 японцев сдались лишь после приказа по радио генерала Ямады. Тряпицын, тяжело раненый в ногу, успешно руководил развернувшимся сражением.

Я. И. Тряпицын (в госпитале) в окружении руководителей Сахалинской области и Николаевским военным округом. Рядом — Н. Лебедева. Апрель 1920 года.

В радиотелеграфных сообщениях Тряпицын и Лебедева призывали хабаровских коммунистов не идти на уступки японцам. Соглашатели, “естественно”, их не послушались, и катастрофа Николаевска повторилась 5 апреля, когда японцы вероломно напали на партизан, расквартированных в Хабаровске. Аналогичные события случились и во Владивостоке. Но Советская Россия по-прежнему требовала от бунтарей-партизан покорности японцам. Позиция Тряпицына хорошо видна из телеграммы, которую он послал в Иркутск “тов. Янсону” — уполномоченному (уполномоченному иностранным отделом) от ЦК ВКП(б) из Москвы:

“Нам стало ясно, что вы совершенно неверно информированы о положении здесь, и хотели бы спросить, кто вас информировал о положении здесь, а также и Москву, которой вынесено постановление о буферном государстве на Дальнем Востоке, создание которого совершенно нецелесообразно... Вы указываете, что целью является создание такого государства, которое может признать Япония, следовательно, государства не советского, но тайно действующего по указаниям Совроссии. Насколько это абсурдно, для нас было это совершенно ясно с первого момента. Прежде всего, государство это, если оно земское, а не советское, не может вести политики Советов, и за время своего существования совершенно ясно выявило политику чистой белой гвардии, что и доказано событиями в Хабаровске и Владивостоке; второе — это то, что японцы не допустили бы советской политики буфера и сразу её заметили бы, и такие обвинения от них уже были, они указывали, что под ширмой земства гнездятся большевики; и, возможно, что этот мотив тоже является одной из причин их выступления, именно с целью уничтожить советские элементы, и они этого достигли. ...Думая избежать столкновения с Японией

и прекращения оккупации мирным путём, вы рассчитывали, что Япония, признав земство, откажется от оккупационных целей и уйдёт подобру-поздорову.

Японцы уступают только силе. (Выделено мной. — О. Г.) И вы достигли как раз обратных результатов. Вместо избавления от японцев буфер дал нам ещё более злейшую войну, даже больше; вы своим дурацким буфером сорвали уже готовую победу красной партизанской армии на Д. Востоке, ибо смею вас уверить, что если бы не провокации буферов и земцев, то японцы под давлением наших сил ушли бы отовсюду, как ушли из Амурской области и Николаевска”.

В одной из последних подписанных ими радиogramм в ЦК ВКП(б) говорится:

“Японцам в настоящее время приходится держать фронт против каждого куста, т. к. каждый куст, каждая сопка несёт смерть этим палачам мировой социалистической революции, защитникам рабовладельчества капиталистов — японцам. Началась великая народная война. Весь народ восстал, старый, малый и даже женщины берут оружие и идут в тайгу из деревень, в которые являются японцы”.

В эту трудную минуту Тряпицына поддержали Охотское побережье и Камчатка. Вот телеграмма из Охотска:

“Первомайское собрание всех трудящихся Охотска, приисков и его окрестностей, решило не признавать буферного государства, фактически выливающегося на Д. В. в японо-белогвардейскую оккупацию. Собрание находит совершенно ненужными указания владивостокских и хабаровских центров, ибо это является лишь издевательством, если не сказать больше. Рабочие и крестьяне считают, что оккупация Японией Дальнего Востока неизбежна и вызывается вовсе не какими-либо “недоразумениями”, и никакая дипломатия не предотвратит её. Пусть мы остались одиноки, пусть, согласно словам уполномоченного Янона, от нас отказалась Советская власть, но мы решили не опускать руки”.

3

Между тем, наступала весна, со дня на день ожидался ледоход на Амуре. Японцы захватили Александровск-на-Сахалине, их военная эскадра была готова войти в устье Амура. В Де-Кастри высадился японский десант с целью атаковать Николаевск с суши, с ним сразу же начали боевые действия отряды Тряпицына. По мере очистки Амура ото льда японцы продвигались на канонерках к Николаевску из Хабаровска. Всего на борьбу с партизанской армией Тряпицына Япония выставила 10-тысячную армию. Напрасно Тряпицын просил помощи у хабаровских и владивостокских соглашателей. Доходило до того, что с ним просто отказывались выходить на связь. И хотя в Николаевске с активной помощью местного населения начались работы по укреплению города, штаб Тряпицына принял решение его оставить, чтобы сохранить партизан и в полной мере использовать их преимущество перед японцами — умение воевать в условиях труднопроходимой тайги. Поэтому постановили: центр обороны перенести в глухой посёлок золотодобытчиков Керби, что на реке Амгунь, левом притоке Амура.

Уже к 1922 году ленинцы постарались укоренить мнение, что в ужасах Николаевска повинны максималисты и анархисты. Фактически же город был взорван и сожжён, а население принудительно эвакуировано через посёлок Керби в Благовещенск-на-Амуре по постановлению Николаевского ревштаба, состоящего из коммунистов (Ауссема, Железина и Перегудова), одного анархиста (Тряпицына) и одной эсерки-максималистки (Лебедевой), то есть анархо-максималисты были в меньшинстве. Участь Николаевска едва не постигла и Благовещенск-на-Амуре, когда Благовещенский ревком, в большинстве состоящий из коммунистов Трилиссера, Жданова, Яковлева, Шилова, Боровицкого и других, в ожидании летнего наступления японцев (1920) разработал план по взрыву всех каменных зданий города и эвакуации населения. Благовещенск уцелел лишь случайно. Указав на это, один из сочувствующих Тряпицыну написал:

“Автор не обвиняет амурских коммунистов, он только подчёркивает то лицемерие, с каким они впоследствии отнеслись к судьбе Тряпицына и Нины, с которыми имели общие идеалы, к осуществлению которых стремились одинаковыми способами”.

Тряпицын со своим штабом и “ротой охраны” покинул город последним на глазах у занимающих Николаевск японцев. Вот здесь-то и случился роковой казус: группа, направляясь в Керби, ... заблудилась в тайге, в которой провела больше двух десятков суток. Это невероятно, так как её проводником был тунгус (эвенк). Скорее всего, этот “дитя природы” был японским лазутчиком, и пока Тряпицын напрасно кормил весенних комаров, в Керби среди скопившихся там полуголодных, больных беженцев и деморализованных партизан другие японские лазутчики сформировали новое к нему отношение. 23-летний Тряпицын, оставаясь, видимо, в глубине души своей наивным идеалистом-романтиком, не предвидел такого поворота и по прибытии в Керби дал арестовать и себя, и свой штаб силам нового “реввоенсовета” во главе с его бывшими подчинёнными Андреевым и Леодорским.

С Тряпицына сняли френч, одели его в грязные лохмотья и заковали в... якорные цепи.

В Керби среди озлобленных эвакуированных были организованы митинги и собрания, на которых “демократическим путём” избрали суд в количестве... 103-х человек. Может, это тоже часть происков японцев, а может, и марксистов-ленинцев, которым народный вождь Яков Тряпицын был не нужен. Председателем суда был некий Овчинников, товарищем председателя – Воробьёв, секретарями – Усов, Акимов, Птицын и Лобанов. “Суд 103-х”, проходивший при “открытых дверях”, постановил: руководителей Николаевского военного округа Якова Тряпицына, Нину Лебедеву, Макара Харьковского, Фёдора Железина, Ивана Оцевилли-Павлуцкого, Ефима Сасова и Трубчанинова “подвергнуть смертной казни через расстреляние”, Степана Деда-Пономарёва посадить в тюрьму. В решении суда, который закончился 9 июля в 21 час, было сказано:

“Приговор над названными осуждёнными привести в исполнение 9 июля вечером, в 10 час. 45 мин.”.

И действительно, казнь совершилась “9 июля вечером, в 10 час. 45 мин.” ровно, хотя в тех местах в это время уже не видно ни зги. Не исключено, что в этом была какая-то шифровка для разведотдела Генштаба японских вооружённых сил. Смертный приговор был вынесен ещё 25 человекам, заподозренным в “тряпицынщине”.

Овчинников и Андреев, свершив “суд”, сразу же сбежали в Николаевск, к японцам. Андреева потом видели в Харбине в качестве мелкого торговца. Овчинников эмигрировал в США, где издал книжку “Движение красных партизан на русском Дальнем Востоке. Николаевская резня”.

4

Очевидец вспоминает:

“...в грязном от близости человеческого жилья кустарнике ...на краю убогого селения Керби, под могильной насыпью, связанные верёвками, закованные в якорные цепи нашли свой последний приют анархисты, максималисты и коммунисты Тряпицын, Лебедева, Железин, Оцевилли-Павлуцкий, Трубчанинов, Сасов и Харьковский. Если бы не крошечный простой крест, каких много на убогих погостах сирот-бедняков, воздвигнутый неизвестной наивной чистой душой, то и в ум не пришло бы, что тут, в яму для нечистот, истерзанные, обгарённые кровью, оплётанные и проклятые, свалены люди...”.

Яков Иванович Тряпицын вместе с революционерами-пропагандистами разлагал русскую армию во время Первой мировой войны, но он искупил свою вину перед Россией, возглавив народную войну с японцами на Дальнем Востоке. То же самое можно сказать и о Нине Михайловне Лебедевой. Казнённая в возрасте 21 года, в 14 лет она была осуждена на вечное поселение в Сибирь за революционную деятельность, то есть за подрыв устоев Империи.

После 1922 года на какой-то дальневосточной партийной конференции ВКП(б) ставился вопрос об отношении к Тряпицыну. Дальневосточные представители “ленинской гвардии”, которые по своему значению в истории народной партизанской войны на Дальнем Востоке и в подмётки не годились Якову Тряпицыну, зачислили его в “самозванцы-диктаторы” и “контрреволюционеры-анархисты”. Справедливости ради скажем, что споры на коммунальных кухнях вокруг этой личности среди коммунистов не стихали никогда. Некоторым из них было всё-таки стыдно (может быть, потому, что из семи

расстрелянных николаевских руководителей трое были коммунистами), и в 1960-х годах они на 40 страницах машинописного текста написали “Декларацию” в защиту Тряпицына начальнику Главного управления архивов при МО СССР.

Победив в Центральной России и Сибири, Красная армия не встретила никакого сопротивления со стороны японцев и “на Тихом океане свой закончила поход”. И это было чудом, потому что в той исторической ситуации, казалось бы, у Японии был верный шанс, развязав военные действия против Советской России, оттяпать себе солидные куски нашей территории, как это удалось немцам по Брестскому договору! Япония отозвала свои войска в метрополию не потому, что испугалась Красной армии, а потому, что видела решимость простого люда Дальнего Востока бороться с интервентами не на жизнь, а на смерть. Об этом говорил вид взорванного и превращённого в пепел Николаевска-на-Амуре. Это был презрительный плевком в сторону Японии, как в своё время сожжённая Москва была плевком в сторону хвалёных орд Наполеона.

Японию, которая была очень уверена в себе после Цусимы и Порт-Артура, сбил спесь высокий боевой дух Тряпицына и его партизан. Своими решительными действиями разгромивший японский гарнизон и без колебаний казнивший взятых в плен 135 японских военнослужащих **Тряпицын очистил сознание русских людей от “синдрома Цусимы”**. В этом его главная заслуга. В оглушительном разгроме советскими войсками японской Квантунской армии в августе 1945 года есть в какой-то степени и вклад Тряпицына.

Здравомыслящие люди на Дальнем Востоке убеждены, что Яков Тряпицын избавил большевиков от затяжной позиционной войны с сильным и коварным противником. Коммунистические “историки” скрыли от нас национально-освободительную войну, которую на протяжении четырёх лет вёл на Дальнем Востоке русский народ против японских оккупантов.

В октябре 1987 года в интервью хабаровской газете “Молодой дальневосточник” кандидат исторических наук В. Г. Смоляк сказал:

“Чтобы быть объективным, приведу несколько высказываний людей, лично знавших Тряпицына.

Генерал-полковник В. З. Романовский: “Наши некоторые руководители того времени на Дальнем Востоке, не разобравшись с делом, пошли по пути провокаторов, помогли нашим врагам облить грязью наш народ и его великое дело, творимое им, очернить лучших борцов за власть Советов, наконец, истребить физически товарищей Тряпицына, Лебедеву и других, чем причинили огромный вред общему делу”.

Журналист П. И. Gladких (близкий родственник В. К. Блюхера): “В одной из бесед Василий Константинович сказал: “Для меня ясно одно: Тряпицын был борцом за власть Советов, таким же, как сибирский “дедушка” Нестор Каландаришвили, который также считал себя анархистом. Загубили Якова Тряпицына напрасно. Не разобрались досконально в этом сложном деле и наломали дров”.

Первый главком НРА ДВР Г. Х. Эйхе: “Анархизм Тряпицына носит декларативный характер, во всяком случае, идеологически. Другое дело – его поступки, но в них больше самоуправства, безответственности, бунтарства и всего прочего, чем идейного анархизма... По целому ряду объективных и субъективных причин вокруг Тряпицына и его действий образовался такой невероятно запутанный, противоречивый клубок мнений, суждений и даже документов, что разобраться в них надо ещё много времени и много трудов”.

С этим пожеланием будущим историкам нельзя не согласиться”.

5

...Креста на месте расстрела и “захоронения” Тряпицына и его товарищей давным-давно нет.

Весной 1980 года минуло 60 лет после тех драматических событий, и я, автор этих строк, на рейсовом самолёте АН-2 прилетел в посёлок имени Полины Осипенко (бывший Керби), чтобы поклониться праху Тряпицына. На месте захоронения я увидел большой... огород, засаженный картофелем. Но это было ещё не самым ужасным. Годы ранее какой-то мужик по незначению соорудил на могиле героев... туалет, но, прослышав о своей оплошности,

тем не менее, оставил туалет на месте. В связи с этим, говорят люди, в посёлок прибыл директор Хабаровского краеведческого музея им. Гродекова и известный на Дальнем Востоке писатель-натуралист Всеволод Петрович Сысоев. Он объяснил мужику ситуацию и полушёпотом приказал туалет убрать. Полушёпотом потому, что в посёлке жили два “стукача” из КГБ: секретарь райисполкома и её муж – заведующий орготделом тамошнего райкома КПСС, которые немедленно сообщали, куда надо, обо всех посторонних, интересующихся местонахождением “захоронения” и его состоянием.

Почему посмертная судьба Якова Тряпицына столь необычна? Потому что яркое проявление русского духа всегда было противно интернационалистам-ленинцам. Оно невыносимо и пришедшим им на смену их же генетическим родственникам – либеральным демократам. Отсюда, а не от недостатка архивных данных идентичная коммунистической по своей “идейной” направленности статья в “Секретных материалах” в 2000 году. Работая над этой статьёй, я, например, пользовался материалами, хранящимися в Дальневосточной книжной палате при Государственной Публичной библиотеке; их там предостаточно.

Один из современных исследователей-дальневосточников событий 12 марта 1920 года в Николаевске-на-Амуре Александр Щербаков отмечает: **“Сейчас, когда Япония выдвигает территориальные претензии к России, надо вспомнить человека, который достойно ответил японцам ещё сто лет назад – Якова Ивановича Тряпицына”**.

Р. С. В ответ на запрос о состоянии захоронения Я. И. Тряпицына и его соратников редакция “ЗРД” из пос. им. Полины Осипенко получила такой ответ:

“Лет (надцать) назад мы: Поздеева Г. Д – начальник отдела культуры, Бочкарёв Василий Витальевич – краевед, я и ещё один генерал, фамилии не помню, были с разрешения хозяина усадьбы на месте захоронения. Там, внизу огорода, могила расстрелянных комиссаров, ближе к забору росла смородина, как показал Бочкарёв В. В. и утверждал, что стояла табличка в 30-е годы (о расстрелянных партизанах), а вверху в стороне от строения бани Василий Витальевич показал место, где захоронен Тряпицын, Лебедева – всего 4 человека. Могильного холма на месте нет.

Заведующая краеведческим музеем Хаблова О. А.”